

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Ник Лейк

Лили, запертая во сне

•

Нэйтон Черносек

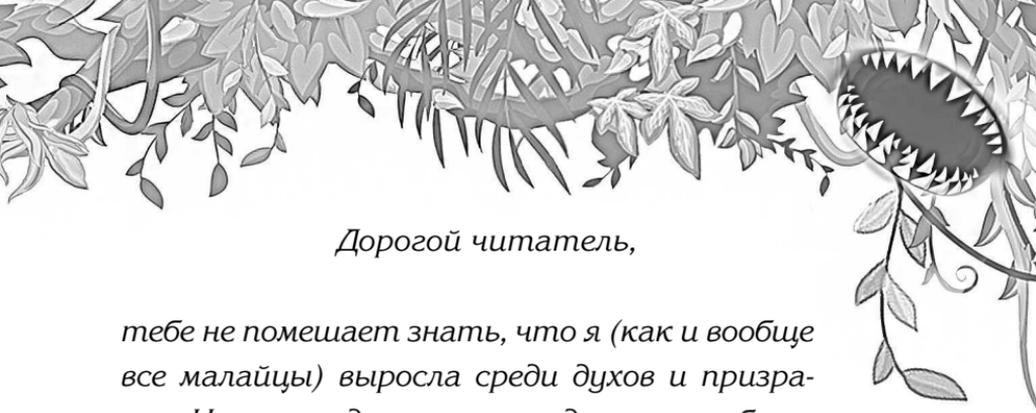
Пряталки

•

Джоди Ли Мотт

Кукла Бато-Бай

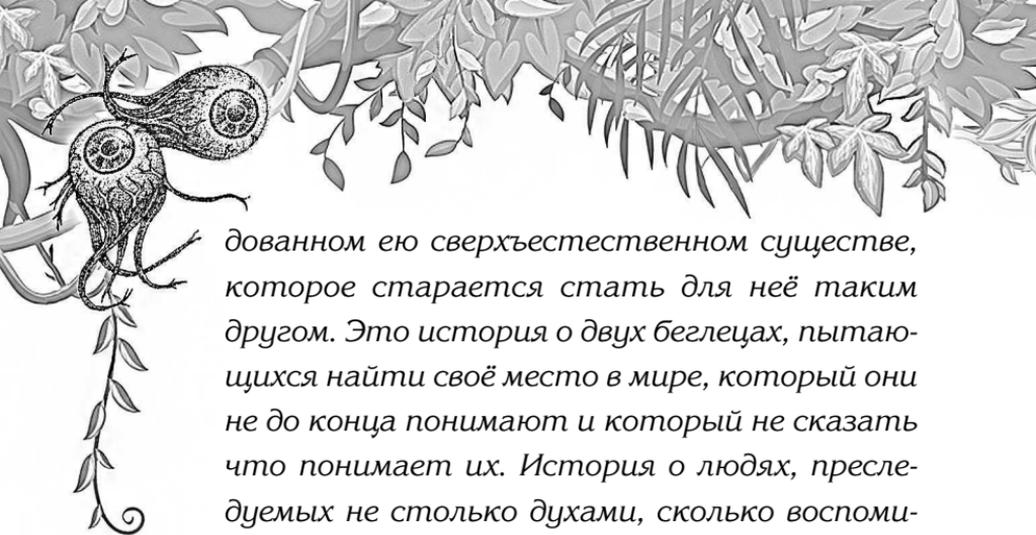

Дорогой читатель,

тебе не мешает знать, что я (как и вообще все малайцы) выросла среди духов и призраков. Нас учат держаться подальше от банановых деревьев с приходом сумерек. Говорят, это дом кровопийцы понтинака. Мы знаем, в каком месяце по улицам бродят голодные души умерших. Перед тем как войти в лес, мы просим разрешения — иначе можешь попасться озорнику буньяну. Родители рассказывают нам эти истории, чтобы мы не баловались. Друзья шепчут их нам на перемене, чтобы напугать. Мы читаем их поздно ночью, прячась под покрывалами и сжимая в дрожащих пальцах фонарики, чтобы проверить собственную смелость. Грань между реальностью и сверхъестественным для нас очень тонка. Духи — часть нашей жизни, вплетённая в ткань малайской культуры. Мы знаем о них многое.

О, только не подумай, что это значит, будто мы их не боимся! Боимся, и ещё как. Они наводят на нас страх. Однако в то же время они такие знакомые, наши, родные, а потому в каком-то смысле согревают нам душу.

Это история о духе. История о Сураие, которой отчаянно нужен друг, и об унасле-

дованном ею сверхъестественном существе, которое старается стать для неё таким другом. Это история о двух беглецах, пытающихся найти своё место в мире, который они не до конца понимают и который не сказать что понимает их. История о людях, преследуемых не столько духами, сколько воспоминаниями, что порой даже хуже. Это история о том, что случается, когда дружба расцветает и крепнет, а затем слабеет, чахнет и распадается. И о том, что не всякой дружбе суждено пройти испытание временем.

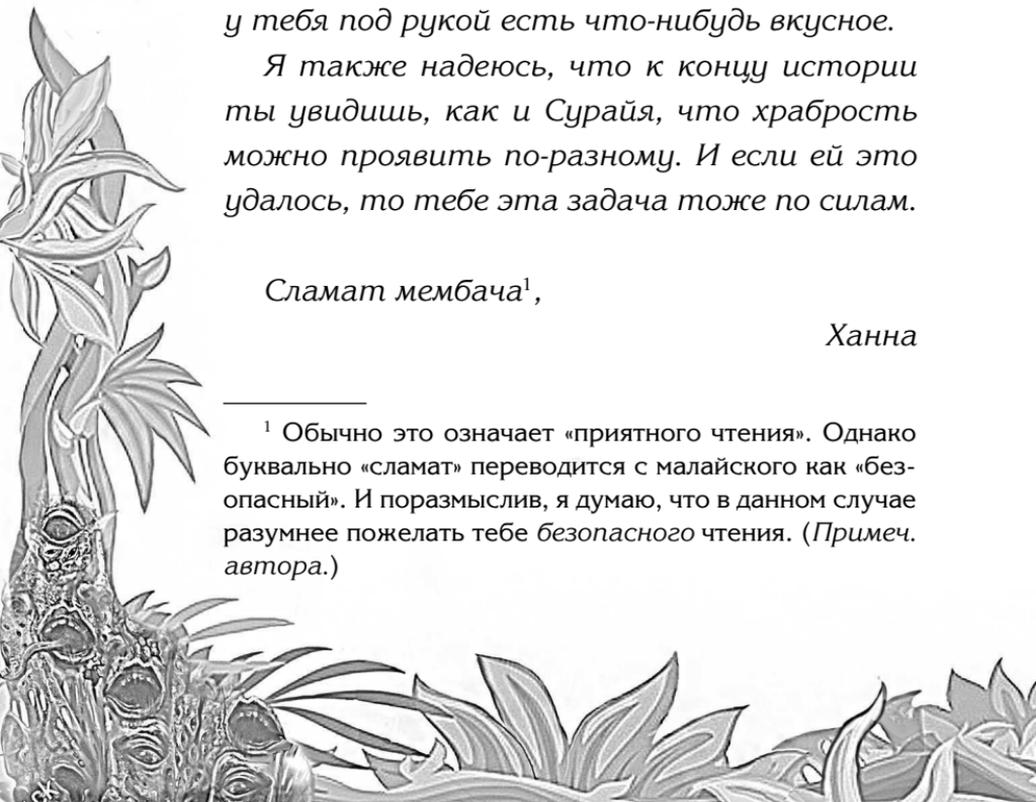
А ещё это малайская история, а значит, она изобилует описаниями блюд. Надеюсь, у тебя под рукой есть что-нибудь вкусное.

Я также надеюсь, что к концу истории ты увидишь, как и Сурайя, что храбрость можно проявить по-разному. И если ей это удалось, то тебе эта задача тоже по силам.

Слават мембача¹,

Ханна

¹ Обычно это означает «приятного чтения». Однако буквально «слават» переводится с малайского как «безопасный». И поразмыслив, я думаю, что в данном случае разумнее пожелать тебе безопасного чтения. (Примеч. автора.)

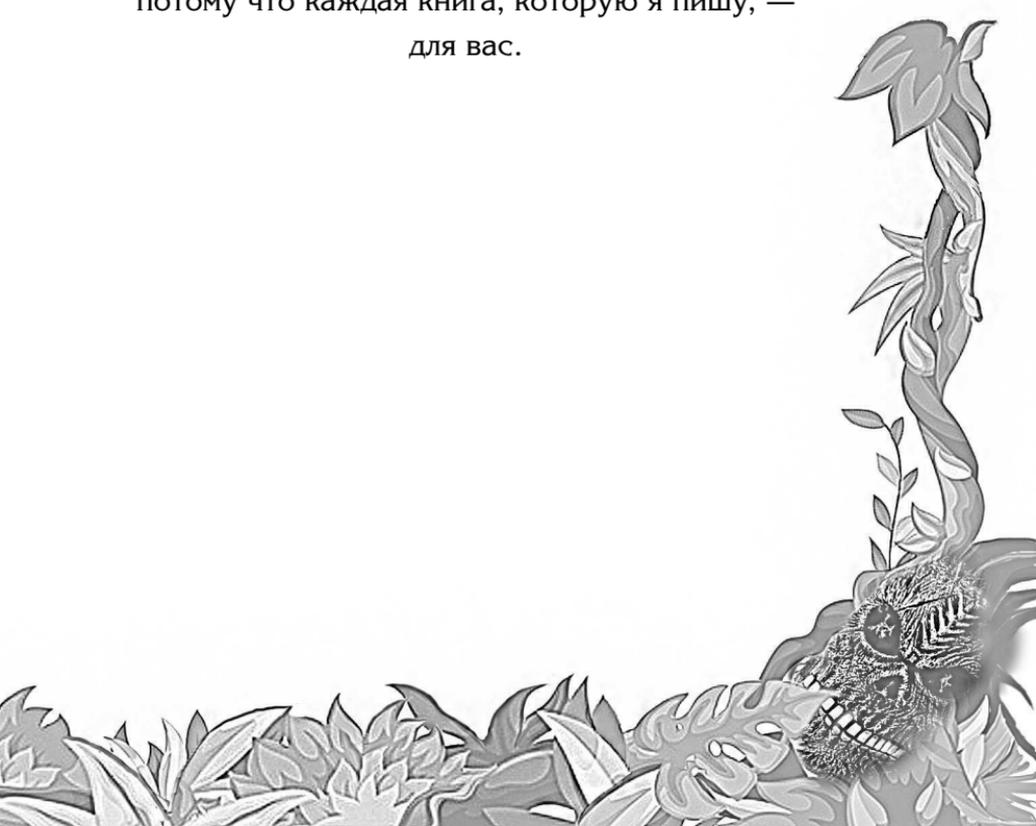

Посвящается детям, которые боятся —
задир, или призраков, или сердитых мам;
первых дней на новом месте, в новой школе,
или плохих дней, или любых других дней
в промежутке.

Вы гораздо сильнее, чем вам кажется.

А ещё посвящается Мали и Мариям,
потому что каждая книга, которую я пишу, —
для вас.

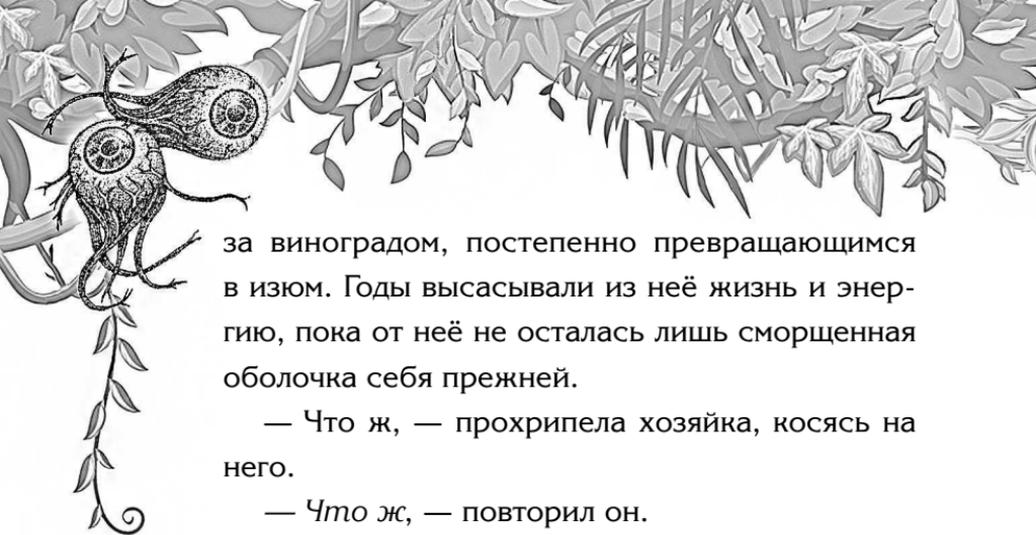

ПРОЛОГ

ДУХ ЗНАЛ: ХОЗЯЙКА одной ногой в могиле. Однако он не сильно переживал по этому поводу.

Дух понимал, что это звучит скверно. Кажется бы, после стольких лет вместе даже он должен был испытать лёгкую грусть в связи с подобным событием. Вот только тяжело сочувствовать кому-то, когда: а) ты дух или призрак, а всем известно, что ни у духов, ни у призраков нет сердца, и б) этот кто-то жил за счёт того, что заставлял тебя делать других людей несчастными.

Он глядел на неё теперь, когда она лежала на узкой кровати, серая и измождённая в свете полной луны. Её дыхание было резким и прерывистым. Смотреть, как она медленно колыхается навстречу концу, было почти как наблюдать

за виноградом, постепенно превращающимся в изюм. Годы высасывали из неё жизнь и энергию, пока от неё не осталась лишь сморщенная оболочка себя прежней.

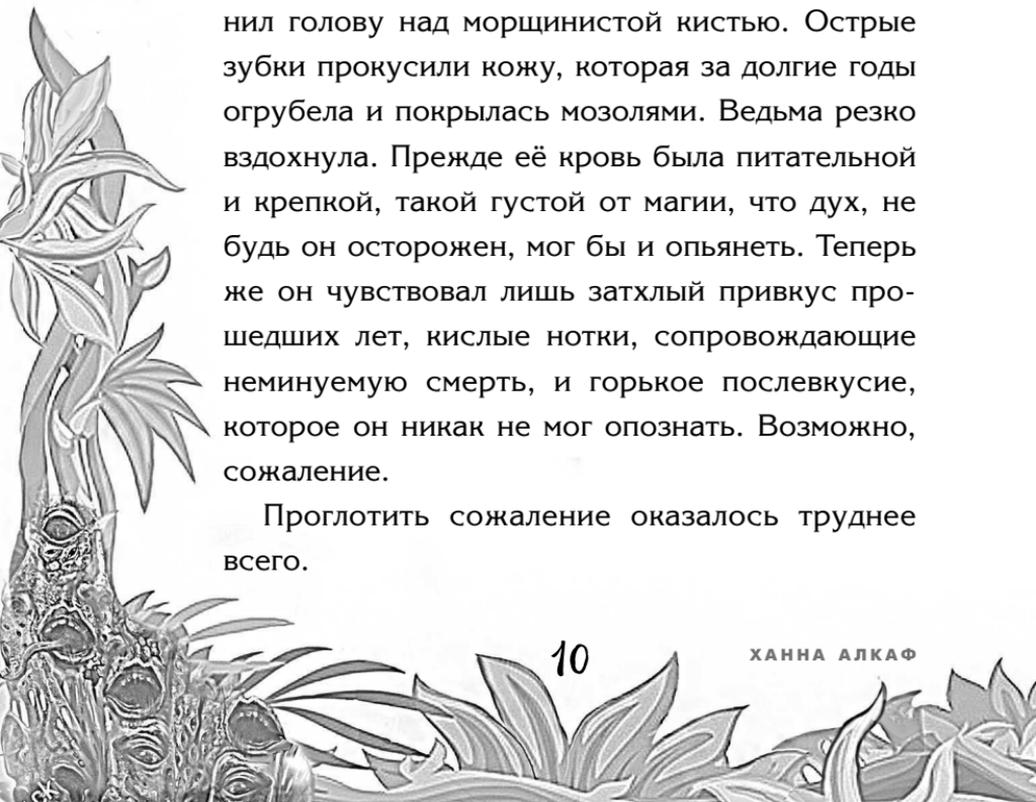
— Что ж, — прохрипела хозяйка, косясь на него.

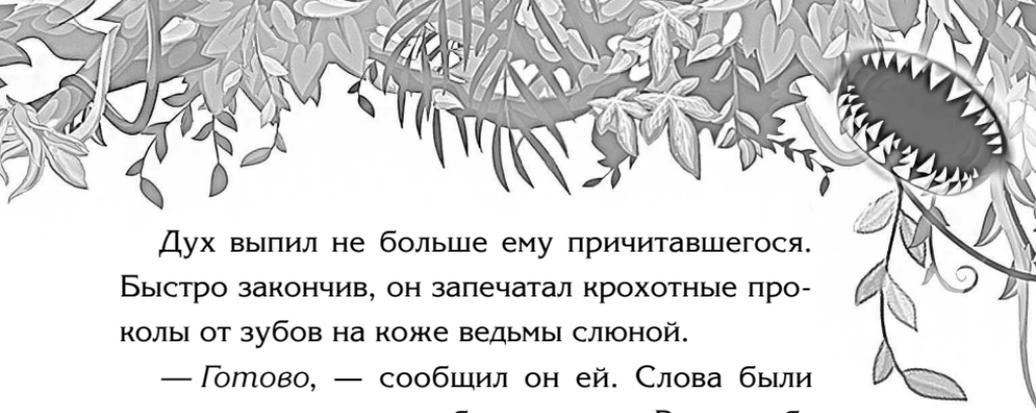
— *Что ж*, — повторил он.

— Ещё разок на дорожку, а? — предложила она, кивая на полную луну в окне. Она поморщилась, протягивая ему безымянный палец правой руки, как уже делала прежде не раз.

Дух кивнул. Это казалось неуместным, но как ни крути, а есть хочется всегда, лежит ли хозяйка на смертном одре или нет. Он склонил голову над морщинистой кистью. Острые зубки прокусили кожу, которая за долгие годы огрубела и покрылась мозолями. Ведьма резко вздохнула. Прежде её кровь была питательной и крепкой, такой густой от магии, что дух, не будь он осторожен, мог бы и опьянеть. Теперь же он чувствовал лишь затхлый привкус прошедших лет, кислые нотки, сопровождающие неминуемую смерть, и горькое послевкусие, которое он никак не мог опознать. Возможно, сожаление.

Проглотить сожаление оказалось труднее всего.

Дух выпил не больше ему причитавшегося. Быстро закончив, он запечатал крохотные проколы от зубов на коже ведьмы слюной.

— *Готово*, — сообщил он ей. Слова были знакомыми, словно любимая песня. Ритуал обволакивал, как тёплое одеяло. — *Я привязан к тебе до конца*.

Ведьма ласково погладила его по рогатой голове. Прикосновение удивило духа — хозяйка никогда не отличалась сентиментальностью.

— Что ж, — произнесла она. Её голос прозвучал слабым вздохом. — Вот и конец.

Она повернула голову к окну, где солнце поднималось над гранью мира, и испустила дух.

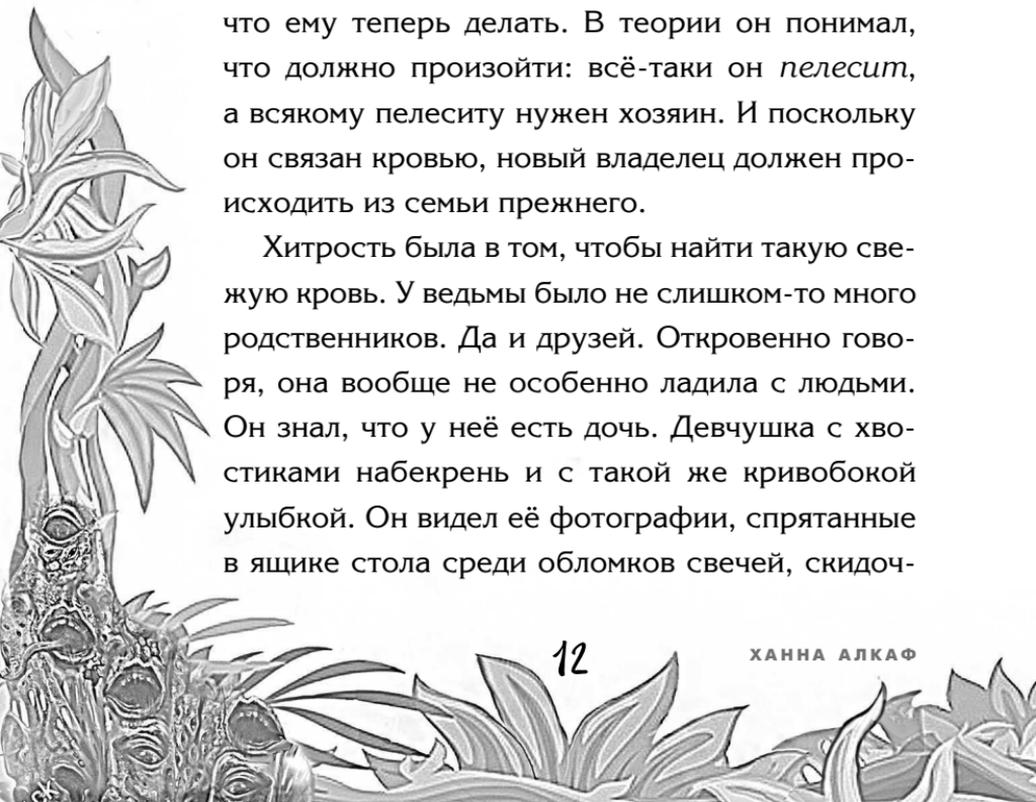
ГЛАВА ПЕРВАЯ

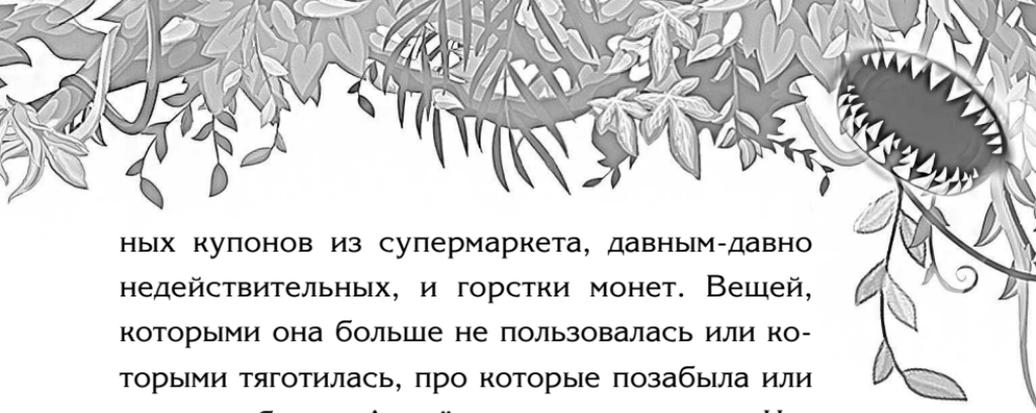

ДУХ

КАКОЕ-ТО ВРЕМЯ ПОСЛЕ того, как ведьма испустила последний вздох, дух (или призрак) сидел совершенно неподвижно. Он размышлял, что ему теперь делать. В теории он понимал, что должно произойти: всё-таки он *пелесит*, а всякому пелеситу нужен хозяин. И поскольку он связан кровью, новый владелец должен происходить из семьи прежнего.

Хитрость была в том, чтобы найти такую свежую кровь. У ведьмы было не слишком-то много родственников. Да и друзей. Откровенно говоря, она вообще не особенно ладила с людьми. Он знал, что у неё есть дочь. Девчушка с хвостиками набекрень и с такой же кривобокой улыбкой. Он видел её фотографии, спрятанные в ящике стола среди обломков свечей, скидоч-

ных купонов из супермаркета, давным-давно
недействительных, и горстки монет. Вещей,
которыми она больше не пользовалась или ко-
торыми тяготилась, про которые позабыла или
хотела забыть... А ещё там лежали письма. На-
клонный почерк, тёмно-синие чернила. Бумага
такая старая, что по краям зацвели жёлтые пят-
на времени:

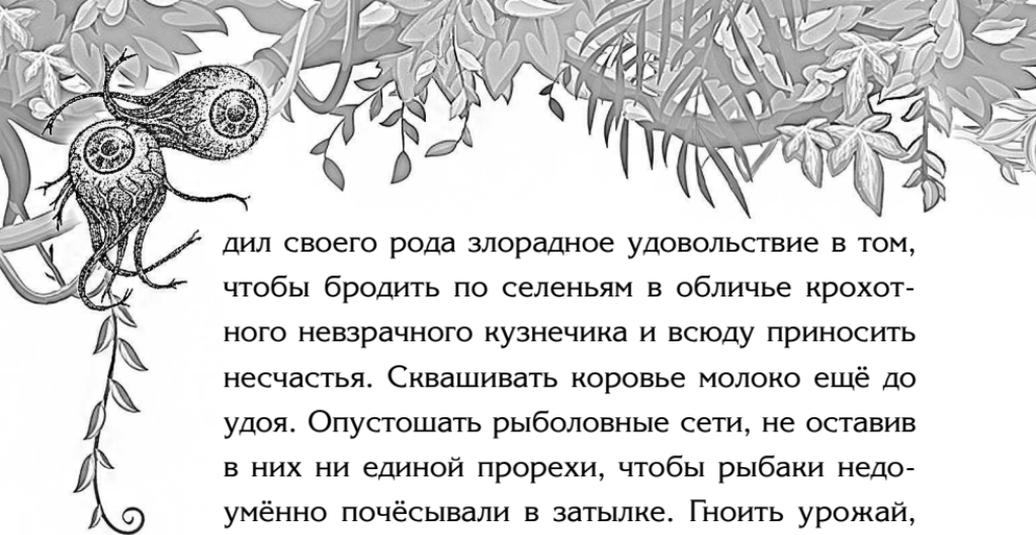
*Знаю, ты не одобряешь мой выбор, но он
любит меня, а я — его, и мы хотим быть
вместе. У нас теперь свой дом. Может, при-
едешь нас навестить?*

*Пожалуйста, ответь мне, мама! Я ску-
чаю. Неужели ты не хочешь увидеть внучку?*

Последнее письмо было поновой. Простень-
кий белый прямоугольник, вложенный в мятый
коричневый конверт с именем ведьмы. В нём
говорилось:

Не пиши нам больше.

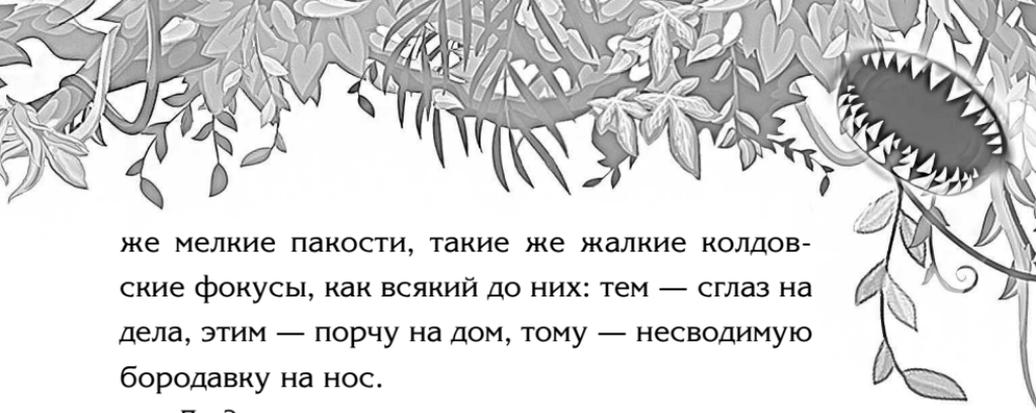
Да, у старой ведьмы не слишком-то много
родственников. Она предпочитала скитаться по
деревням, отправляя духа сеять хаос в каждой
из них. И поначалу ему это нравилось. Он нахо-

дил своего рода злорадное удовольствие в том, чтобы бродить по селеньям в обличье крохотного невзрачного кузнечика и всюду приносить несчастья. Скваживать коровье молоко ещё до удоя. Опустошать рыболовные сети, не оставив в них ни единой прорехи, чтобы рыбаки недомённо почёсывали в затылке. Гноить урожай, но только изнутри: так, чтобы надежды взлетали при виде совершенных на вид плодов — и тут же, при легчайшем прикосновении, рушились о личинки и выдающееся зловоние. Дух смотрел на свою работу с гордостью (так художник любит созданным шедевром) и посмеивался, когда крестьяне приходили к мудрой опытной ведьме, которая понимающе кивала, беря с них деньги. Они просили её снять с них проклятия, даже не догадываясь, что ведьма и есть причина всех их несчастий. Волшебным образом всё возвращалось на круги своя, и вскоре ведьма исчезала опять, отправляясь на новое место (всякий раз прежде, чем кто-нибудь смекнёт, что истинным проклятием всё это время было её присутствие).

Однако, если быть честным, через несколько лет такие занятия ему изрядно наскучили. Клиенты стекались к двери ведьмы непрерывным потоком. И если они не просили исправить то, что было её рук делом, то заказывали всё те

же мелкие пакости, такие же жалкие колдовские фокусы, как всякий до них: тем — сглаз на дела, этим — порчу на дом, тому — несводимую бородавку на нос.

«Люди, — думалось духу, — такие... ограниченные». Он надеялся, что новый хозяин, кем бы тот ни оказался, принесёт с собой глоток свежего воздуха. Новый порядок, так сказать.

Дух представил девчушку с хвостиками и широкой улыбкой и распростёр мысли, растягивая их как можно дальше. Он прислушивался к знакомой песне крови, которая звала его. Нащупывал отрадное тепло, которое растекалось по молодым венам, пульсировало в крепком новом сердце...

Он нашёл её на краю зелёной-презелёной рисовой плантации, в деревянном доме, который грохотал и трясся, обдуваемый муссоном.

Она превратилась в женщину — высокую, усталую и бледную. Хвостики сменились строгим пучком, а улыбка давным-давно стёрлась, но в жилах, вне всяких сомнений, текла та же кровь. И всё же (дух озадаченно фыркнул) знакомая зовущая песня была тихой и слабой. Порой она совсем замолкала. И даже когда глаза женщины были открыты, внутри проглядывали

